

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ИСТОРИИ АНТИЧНОСТИ

С^тоящая перед советскими учеными задача — превзойти достижения зарубежной науки — выдвигает перед историками древности не только необходимость полнее и лучше овладеть источниками и материалами и обогатить науку новыми материалами; это — лишь необходимое условие для дальнейшего роста марксистско-ленинской исторической науки. Основная задача в том, чтобы глубже исследовать *законы* истории, всерьез «заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов»;... «первейшей задачей исторической науки является изучение и раскрытие законов производства, законов развития производительных сил и производственных отношений, законов экономического развития общества»¹.

Необходимость изучения экономики общества силой вещей навязывается и буржуазным историкам античности. За последние двадцать лет вышло значительное количество трудов по социально-экономической истории древности, систематизирующих громадный исторический материал, а также ряд специальных исследований. Но труды буржуазных историков по существу ничего не дают для правильного понимания не только социально-экономической, но даже политической истории. Дело в том, что экономика, политика, идеология трактуются в них как равноценные «факторы» истории, между которыми в лучшем случае авторы пытаются установить взаимодействие, а движущие силы исторического процесса и его закономерности не вскрываются.

Экономические категории в буржуазной историографии обычно трактуются как вечные и неизменные, а по сути дела — как капиталистические.

В капитальном труде (1239 стр. большого формата) Ф. Гейхельгейма «Die Wirtschaftsgeschichte des Altertums» (Leyden, 1938), охватывающем громадный период от каменного века до VIII в. н. э., изложение так и построено по отдельным отраслям хозяйства, остающимся неизменными по своей сущности на протяжении тысячелетий. Гейхельгейм усматривает промышленный капитал уже в неолите, а с другой стороны, охота фигурирует как отрасль хозяйства на равных правах и в эпоху палеолита и в средние века.

В основе такого рода концепции экономической истории древности лежит, часто не сознаваемая авторами, тенденция — доказать неизбежность буржуазного строя общества, поскольку его элементы якобы «вечны». В некоторых случаях буржуазно-классовая природа модернизации древности не ускользает от внимания даже буржуазных историков. В рецензии

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 552.

на труд М. Ростовцева об эллинизме А. Момильяно отмечает, что Ростовцев известен читателям своей верой в «буржуазные добродетели», и при этом упрекает его за то, что он отождествляет эллинистическую «буржуазию» с настоящей, «эллинистическую цивилизацию» с буржуазной¹. Впрочем, рецензент и сам видит в эллинистическом мире категории буржуазного общества, но только с известными, свойственными эпохе особенностями.

Модернизация античности—явление не новое. Идеологи революционной буржуазии XVIII в. в борьбе против феодализма и средневекового мировоззрения подвергали беспощадной критике и отменяли все установленные авторитеты, провозглашали царство разума. При этом они искали опоры для новых революционных идей в идеализированных образах античной древности. Деятели французской революции давали себе даже античные имена (Анаксагор Шометт, Гракх Бабеф и др.). «Мы знаем теперь, что это царство разума было не чем иным, как идеализированным царством буржуазии, что вечная справедливость осуществилась в виде буржуазной юстиции, что равенство ограничилось равенством граждан перед законом, а самым существенным из прав человека объявлено было право буржуазной собственности»². Революционные идеи буржуазии превратились в свою противоположность. Античность модернизируется не во имя прогрессивных идеалов, а для утверждения колеблющихся основ одряхлевшего капиталистического мира. Появляющаяся в последнее время на эту тему, особенно в США, популярная литература (вроде книги Haskell, *New deal in old Rome*) лишена поэтому научного значения.

Порочность методологии истории в трудах буржуазных историков приводит к тому, что кардинальные вопросы истории древности до сих пор у них не только не решены, но все больше запутываются. Особенно разноречивы мнения и представления о причинах падения Западной Римской империи. Уже в древности историки, сами бывшие свидетелями упадка империи, пытались осмыслить происходящие события. Зосим из Газы в своей «Истории», доведенной до 410 г., проводит ту мысль, что своим величием Рим был обязан покровительству отечественных богов и по мере того, как древняя религия уступала место нечестивому христианству, империя падала все ниже. Напротив, Орозий, озаглавивший свой труд «*Historiae adversus paganos*», старается показать, что христианство не повинно в упадке империи, что оно скорее смягчило тяжесть ударов, под которыми трещала римская держава. Эти древние толкования исторического процесса относятся скорее к сфере богословия, чем науки. Но и в наши дни буржуазные историки не могут дать сколько-нибудь удовлетворительное, даже с их точки зрения, решение проблемы падения Римской империи. Крупнейший современный историк М. Ростовцев в своем обширном труде «*The social and economic history of the Roman Empire*», вышедшем в 1926 г., признает свое бессилие решить эту проблему. А в статье «*The decay of the ancient world*», написанной в 1930 г.³, Ростовцев пытается просто устранить самоё проблему и отрицать факт падения империи. Для того времени, полагает Ростовцев, это было нормальным путем развития. Правда, империя распалась (что имело и свою положительную сторону, ибо привело к созданию европейских наций), зато консолидировалась церковь. Исчезла античная культура, но вместо нее создалась христианская культура. Таким образом, потери и достижения балансируются. Конечно, Ростовцев как историк не может не видеть факта упадка, но

¹ JHS, LXIII (1943), стр. 116—117.

² Ф. Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке. Избранные произведения К. Маркса, т. I, стр. 105.

³ «*The Economic History Review*», II, 2 (1930).

усматривает причины его в том, что, во-первых, Римская империя была слишком мала и бедна, чтобы создать железные дороги, фабрики и вообще крупную промышленность; во-вторых, Рим должен был отдавать все свои силы защите границ. Здесь же Ростовцев всерьез разбирает и критикует теорию некоего профессора Hunnigton, объясняющего падение Римской империи климатическими изменениями («пульсирующий климат»).

На конференции классиков, состоявшейся в Оксфорде 5 сентября 1942 г., Norman H. Baynes выступил с докладом «Об упадке Римской империи в Зап. Европе»¹. Он последовательно разобрал и отверг одну за другой циркулирующие в буржуазной историографии теории — Зеека, Т. Франка, Нильсона, М. Ростовцева — и выдвинул свою собственную: падение Западной Римской империи объясняется полным расстройством коммуникаций на Западе и упадком Италии как источника доходов и резервуара людских ресурсов; на Востоке Малая Азия сохранила свое благосостояние и людей, дав, таким образом, Восточной империи силу простоять еще 1000 лет. Эта теория не очень нова; ее выдвинул в 1938 г. Ф. Гейхельгейм в своей «Wirtschaftsgeschichte des Altertums». Но она, кроме того, ничего не объясняет, а лишь отодвигает вопрос: в самом деле, а чем объясняются расстройство коммуникаций и упадок Италии?

В статье на эту тему, помещенной в JRS, Baynes иронически замечает, что «римскому крестьянину и солдату III в. н. э. не было дано в откровении евангелие от Маркса»². Так отделяется шуткой невысокого пошиба солидный ученый от исследования социально-экономических отношений в Римской империи, единственно правильного пути решения проблемы.

Бессилие буржуазных историков объяснить падение империи — результат их буржуазной ограниченности. Они подходят к античности с меркой современного капиталистического общества, некую модификацию которого они усматривают и в древнем Риме. Они не желают и не могут видеть в истории смену общественно-экономических формаций, в частности, не признают существования рабовладельческой формации с особыми, присущими ей закономерностями. Даже те историки, которым их историческое чутье подсказывает мысль о рабовладельческой основе античных обществ (например, Тарн), не делают отсюда надлежащих выводов и в лучшем случае пытаются учесть «фактор рабства».

В сущности, все эти установки буржуазной историографии, игнорирующие историческую смену типов производственных отношений, означают принципиальное отрицание прогрессивного развития человечества. Эд. Мейер прямо выдвинул теорию цикличности исторического процесса: буржуазное общество является пределом, за которым круговорот начинается сначала, чтобы снова замкнуться на буржуазном строе. Анти-историческим концепциям буржуазной историографии, модернизации античности ради утверждения идеи незыблемости капитализма советские историки, вооруженные великой теорией марксизма-ленинизма, должны противопоставить подлинно научное исследование античности, исследование ее специфических закономерностей, позволяющих определить ее действительное место в истории, как одного из этапов в прогрессивном движении человечества к высшему типу общества — коммунистическому. Руководясь марксистско-ленинской теорией, советские ученые, исследуя и правильно используя материалы источников, могут успешно разрешить проблемы, перед которыми бессильна буржуазная наука. А таких проблем еще немало.

¹ См. Toynbee, The classics in wartime, «Antiquity», XLII, № 63 (1943).

² The decline of Roman power in Western Europe» JRS, XXXIII (1943), стр. 134.

В области истории Римской империи много споров вызывал и вызывает прежде всего вопрос о возникновении империи и определение ее сущности и исторической роли. Возникновение империи обычно изучается с формальной точки зрения. Был ли принципат видоизменением республики, или же мы имеем здесь дело с диархией (двувластие), или же, наконец, здесь перед нами завуалированная республиканской терминологией монархия? Решение этого вопроса с чисто юридической позиции невозможно; споры по этому поводу могут дать и дали очень интересные частные исследования и очень ценные побочные результаты, но по существу они остаются бесплодны. Возникновение империи было общественным переворотом, а переворот в том и состоит, что он порывает, в частности, с существующими правовыми нормами, из которых его, следовательно, нельзя вывести.

В своем «завещании» Август лицемерно заявляет, что в 27 г. он передал власть в руки сената и народа; фактически с этого дня прекращается власть сената и народа. Август ссылается на то, что он в течение своего правления действовал на основании полномочий, полученных им в качестве республиканского магистрата, особенно на основании проконсульства и трибунской власти; время от времени он делал великодушный жест, отвергая те или иные должности, какие ему раболепно подносил сенат. Но все эти республиканские должности и полномочия, какие Августу угодно было принять на себя, не были по существу республиканскими ни по характеру самой должности (неограниченные сроки, несменяемость), ни по источнику власти, связанной с должностью. Источником власти Августа была не комедия избрания, не волеизъявление народа, а военная сила, вознесшая Октавиана в диктаторы. Поэтому уже Тиберий упразднил комитии как совершенно ненужную фикцию. А сенат, от которого формально императоры получали власть, фактически был послушным орудием в руках императора, от которого зависели и личный состав, и функции, и права сената. Не сенат и народ были источником власти императора, а наоборот, реальным источником власти сената и сохранившихся республиканских магистратур был император, и если ему иной раз угодно было играть в республику, это дела не меняет.

«Республиканский» характер принципата столь же нереален, как и другая выдвинутая сторонниками военной диктатуры фикция, будто императорская власть избавила народ от «тирании» тех или иных политических группировок и вернула народу «свободу». Эту мысль пустил в обращение еще Цезарь, объявивший себя защитником свободы римского народа (b. civ. I, гл. 2). Август в тех же выражениях объявляет себя восстановителем свободы; о том же гласят надписи, статуи, воздвигнутые в честь свободы, монеты. Защитниками свободы объявляли и Клавдия, и Нерона, и Гальбу, и Веспасиана и других императоров, даже Требониана Галла. Но эта «свобода» в действительности означала прекращение политической и общественной жизни, подчинение всех воле и даже самоуправству диктатора.

Моральной опорой императорской власти было «всеобщее убеждение, что ...если не тот или другой император, то все же основанная на военном господстве императорская власть является неотвратимой необходимостью» (Энгельс, Сочинения Маркса и Энгельса, т. XV, стр. 606). Это убеждение у покоренных римлянами народов и в широких массах было выражением бессилия в борьбе за сохранение своей свободы и независимости, а у высшего слоя правящего класса — рабовладельцев — выражением жажды твердой власти, которая могла бы держать в узде угнетенные массы, в первую очередь — рабов.

Всеобщее отчаяние заставляло видеть в императоре посланного небом спасителя. Спасителем провозглашали Августа и последующих импера-

торов не только в хвалебных надписях, но и в произведениях поэтов и писателей. Это было выражением не только раболепия перед всесильным самодержцем, но и классовых воцелений рабовладельцев; народные же массы искали спасителя не среди императоров, а в чисто религиозной сфере и нашли его в христианском учении.

Конечно, не во всей империи и не во всех слоях населения отношение к императорской власти было одинаково, а исторически сложившийся в Римской республике новый монархический институт не был восточной деспотией, возникшей в иных исторических условиях, имевшей иные корни. Республиканские идеи, учреждения, методы управления, формы гражданственности не были начисто отменены новой императорской властью. Ведь даже коренная революция многое сохраняет от прежнего режима. Империя многое унаследовала от республики. Да и республиканские фикции имели известное значение. Они в некоторой степени обязывали; они делали менее чувствительным переход от республики к монархии, поддерживали преемственность в области права, в организации управления на местах, в финансовой системе и т. д. Но необходимо отрешиться от взгляда на империю как на продолжение, хотя бы в других формах, республиканского режима. Империя означала политический переворот, бывший результатом серьезного и глубокого общественного кризиса. Если современники не замечали (или делали вид, что не замечают) насильственного характера переворота, то, главным образом, потому, что после Акциума Октавиан не прибегал к открытому применению силы: одной скрытой угрозы достаточно было, чтобы сделать сенат послушным воле победителя.

Да и кто мог оказывать сопротивление императорской власти? Неорганизованные, распыленные народные массы граждан, лишившиеся своего экономического и военного значения и потому политически инертные? Городской люмпен-пролетариат, развращенный политикой хлеба и зрелищ и поставлявший кадры для императорской армии? Рабы? Бесправные, они не были прямо заинтересованы в характере политического режима и, по выражению К. Маркса, составляли лишь пассивный пьедестал для борьбы между свободными богачами и свободными бедняками. А «свободные богачи» как раз и были тем классом, во имя которого и установлена была диктатура. С середины I в. до н. э. борьба собственно велась лишь вокруг вопроса о том, кто осуществит эту диктатуру.

Противоречия между богатыми и бедными, римлянами и италиками, Римом и провинциями дополняли собою основное противоречие—между рабовладельцами и рабами. Массовые восстания рабов в Сицилии, грандиозное восстание Спартака глубоко потрясли основу римского государства.

С начала I в. до н. э. Рим вступил в полосу глубокого социального, экономического и политического кризиса. Поражение спартаковской революции делало революционный выход из кризиса в условиях того времени невозможным.

Кризис разрешился иным путем—установлением военной диктатуры. Демократия была подавлена в интересах господствующего класса. Новый режим—империя—был основан на насилии. Он сохранил все органические пороки рабовладельческого строя общества, вступившего в свой последний этап, за которым должна была последовать гибель или коренная революция.

Исследование кризиса последнего века республики, не политического только кризиса, о чем написано немало, а глубокого социального разложения, приведшего к возникновению империи,—первая задача, которую надлежит решить историкам-марксистам, чтобы понять существо Римской империи и ее историческую роль и подойти к правильному пониманию причин краха античного рабовладельческого общества. Над этой пробле-

мой работают наши ученые, и надо полагать, что в ближайшие годы она будет успешно разрешена.

Исследование движущих сил, определивших судьбу империи на протяжении пяти веков ее существования, — другая важная историческая проблема.

Буржуазные историки видят только «величие» Рима в первые два века империи, за которым «внезапно» наступает упадок. Причину этого упадка ищут в личности императоров — в смене «добрых» Антонинов «солдатскими императорами», в стихийных бедствиях, в отсутствии машин, в моральном упадке, в разлагающей силе христианства, даже в климатических изменениях, но не там, где ее можно найти, — во внутренних противоречиях рабовладельческого производства и рабовладельческого строя общества. Рабский труд, составляющий консервативную, по выражению К. Маркса, техническую базу античного общества, и связанная с ним ограниченность товарного производства и торговли делают рано или поздно движение вперед невозможным. Исторический смысл образования Римской империи состоял в том, чтобы найти возможность роста экономической силы господствующего класса на старой основе путем усиления эксплуатации непосредственных производителей в Италии и в провинциях. Естественно, что успехи рабовладельческого класса не могли быть прочными и глубокими; они лишь углубляли основные общественные противоречия и подрывали основы рабовладельческого строя общества.

Империя означала конец изжившей себя гражданской общины города Рима. В отличие от Римской республики империя, рассматриваемая на протяжении ее истории в целом, представляла единое государство, в котором было гораздо больше органического единства, чем в эфемерных «мировых» державах древнего Востока или даже в эллинистических государствах. Различия между Италией и провинциями постепенно сглаживались. Создавались условия для более рационального использования богатых экономических ресурсов провинций, для установления регулярных экономических связей Италии с провинциями и провинций между собой. Это означало укрепление позиций господствующего класса, расширение экономической базы общества до границ тогдашней ойкумены.

Для эллинистического Востока включение в состав империи означало, — несмотря на дороговую цену, какую народам Востока пришлось заплатить за это объединение, — выход из безнадежного кризиса, в который вновь, в силу внутренних пороков рабовладельческого строя общества, вступил эллинистический мир во II—I вв. Омоложенный римским завоеванием, эллинистический Восток получил возможность заново повторить процесс своего развития на высшей ступени. Это важное обстоятельство обычно оставляется без внимания; образование Римской империи рассматривается лишь в аспекте истории Рима. Но это был громадного исторического значения поворот и в истории эллинистического Востока. В новом объединении, на этот раз под властью Рима, Восток получил новый толчок для экономического подъема, и в период всеобщего разложения, неизбежно наступившего в империи, Восток сохранил значительную устойчивость.

Политическое единство, созданное Римской империей, было гораздо более прочным и глубоким, чем единство, созданное эллинизмом. По мере того как гражданские права превращались постепенно в формальное звание, за которым уже не оставалось реального содержания, оно все шире раздавалось провинциалам. Уже при Августе, как об этом свидетельствуют надписи из Киренаики и Розосская надпись, появляется система двойного гражданства (получивший римское гражданство остается вместе с тем гражданином своего города) — переход от гражданства отдельного города к гражданству общегосударственному. Римский гражданин, по старым

понятиям,—гражданин *города* Рима, становится гражданином, затем просто подданным Римской империи.

Расширение римского гражданства в период империи до сих пор еще не исследовано, так как материалы для этого недостаточны¹. Но тот факт, что дарование гражданских прав всему населению империи в 212 г. не произвело большого впечатления на современников, показывает, что к моменту издания эдикта Каракаллы римское гражданство не было ни особо ценной, ни особо редкой привилегией. Во всяком случае эдикт Каракаллы, несомненно, лишь завершил процесс расширения римского гражданства, неуклонно продолжавшийся в течение двух столетий.

Тенденция к всеобщему уравниванию проявлялась не только в сфере политическо-правовой. Единая империя ломала и сметала во всех провинциях старинные установления, обычаи, местное законодательство, культурные традиции, предавала забвению даже местные языки. Многочисленные народности, еще связанные со старым общинным бытом, не изжившие естественно-родовых связей, растворялись в едином народе, в котором исчезли и сами римляне, *populus Romanus Quiritium*. Латинский язык на западе, греческий на востоке (хотя и не в такой степени, как латинский) стали господствующими, если не единственными, языками. Интересно, что название «римляне» (ромей) было присвоено восточным грекам. Даже в такой консервативной сфере, как религиозной, тенденция к выравниванию всего населения сказалась особенно отчетливо. Новая религия, христианство, не признававшая ни эллина, ни иудея, ни варвара, обращавшаяся ко всем без различия, захватывала все более обширные массы населения, *вопреки* сопротивлению императорской власти.

В этом процессе нивелирования заключалась прогрессивная историческая роль Римской империи, облегчившей таким образом возможность перехода к более прогрессивной общественно-экономической формации и к образованию впоследствии европейских наций.

Но не следует забывать, что Римская империя представляла *последнюю* стадию рабовладельческого общества, стадию разложения формации, что связано с обострением классовых противоречий, усилением гнета над массами трудящихся; вызревают элементы новых общественных отношений, нарастают силы, которым предстоит, при благоприятных исторических условиях, свергнуть рабовладельческий строй общества. Поэтому вызванный образованием единой империи экономический подъем сопровождался жестоким угнетением трудящихся. Политические кризисы принимают все более затяжной и тяжелый характер; даже военная мощь, на которую опиралась диктатура, таила в себе элементы разложения императорского режима.

Август завершил процесс превращения народного ополчения в профессиональную армию. Разорение крестьянства, лишившее его и политического значения, привело к созданию нового типа войска, оторванного от народа, способного стать антинародной силой. В организации военного дела единоличная верховная власть императора выступала совершенно

¹ Попытку в этом направлении сделал E. Schönbauer в ZSSst, т. 49, 1929, стр. 402 сл. Работа Сп. E. Goodfellow, Roman Citizenship, Lancaster, 1935, мало удовлетворительная, доводит исследование только до смерти Августа, см. AJPh, LIX (1938), рец. Мейера Рейнольда. Очень интересный, но, к сожалению, слишком ограниченный материал собран в посмертном произведении У. Рамсэя (W. M. Ramsay, The social basis of Roman power in Asia Minor, Aberd., 1941). Этому же вопросу посвящена статья Н. А. Машкина, Из истории римского гражданства, в «Изв. Акад. Наук СССР», серия ист. и философии, № 5 (1945), стр. 359—372; F de Vischer, Le statut juridique des nouveaux citoyens romains et l'inscription de Rhosos, «Antiquité class.», XIII (1944), стр. 11—35.

открыто, без республиканских фикций. Здесь не могло быть и видимости компромисса, ведь армия была опорой монархии. Преторианские когорты и личная гвардия императора стали новой силой, не только поддерживавшей императора против народа, но и диктовавшей свою волю императорам. Отныне и Рим и Италия получили, как и провинции, гарнизоны. Вопрос о власти решается не в римских учреждениях, а в ставках легионов, в тесном кругу преторианских вожаков. Преторианский режим вначале прорывался наружу лишь в моменты кризиса, а с конца II в. стал уже нормой.

В силу инерции в первое столетие империи в Риме и Италии и после установления военной диктатуры продолжали существовать элементы общественной жизни, яркую картину которой дает Помпей. Императорам приходилось считаться с некоторыми вековыми традициями, поскольку они, не затрагивая существа верховной власти, облегчали задачу управления городами и вместе с тем скрашивали реальную действительность, создавали иллюзию у современников (и у некоторых нынешних историков), будто ничего особенного не произошло. В действительности участие в политической жизни государства было заменено суррогатом общественной жизни, заполнявшейся местными будничными делами.

Если таково было положение в Италии, то еще хуже обстояло дело в провинциях, где римляне по праву завоевателей лишали покоренные страны политической независимости, повсеместно подавляли демократию, подвергали беспощадной эксплуатации трудящееся население. Это не было результатом злой воли того или иного «тирана». Это было вполне закономерным продолжением римской завоевательной политики периода республики, когда Рим воевал «из-за раздела добычи, из-за того, кому больше угнетать или грабить». В этом смысле Рим «осуществлял империализм»¹, бывший неизбежным в условиях рабовладельческого общества, основанного на апроприации личности непосредственного производителя. Т. Франк, М. Олло и другие прекраснодушные историки, пытающиеся отрицать или облагородить «римский империализм», обнаруживают непонимание специфических особенностей рабовладельческого способа производства. В период империи, когда завоевательные устремления Рима были ограничены, эксплуатация масс населения провинций усилилась, превратилась в узаконенную *систему* грабежа.

Нивелирование условий общественной жизни и жестокие приемы, которыми оно достигалось, были результатом и средством органического включения провинций в состав единой империи, что было — для восточных провинций — исторически необходимым этапом. Тягостный и все более мучительный для трудящихся этот процесс на первых порах пошел на пользу рабовладельческому классу. Оживилась экономика восточных провинций, создавалась возможность большего развития общественного разделения труда. В городах Малой Азии и Сирии производство и торговля достигли высокого — в масштабах античности — уровня. По сравнению с разорением и ограблением провинций в период гражданских войн конца республики можно говорить о процветании городов в наиболее передовых провинциях благодаря длительному миру и налаженному транспорту, позволившему гирапольскому купцу Зевксису совершить 72 раза путешествие из Фригии в Рим, о чем он сообщает в своей надписи. Но это процветание означало углубление классовых противоречий, накопление богатств и усиление роскоши в верхах общества и обнищание масс, обогащение богатых и разорение бедных. Для понимания движения рим-

¹ Ленин, Собр. соч., т. XIX, стр. 137; т. XXI, стр. 305.

ского рабовладельческого общества необходимо видеть его двойственность и противоречивость; тогда окажется, что крах империи не был случайностью, что его причины заложены в самом существовании рабовладельческого общества, переживавшего в период империи свою последнюю стадию.

Разложение рабского способа производства сказалось, конечно, прежде всего на экономической жизни империи. Важнейшим признаком разложения является вызревание в недрах рабовладельческой формации нового способа эксплуатации непосредственного производителя. Для периода империи характерно развитие колоната, постепенно превратившегося из свободной земельной аренды в систему, близкую к крепостничеству. Ставшая очевидной невыгодность рабского труда толкала рабовладельцев на поиски новых типов эксплуатации трудящихся в сельском хозяйстве. Наряду с латифундиями, основанными на рабском труде, все больше места начинает занимать мелкое хозяйство. Крупные имения разбиваются на мелкие участки, которые сдаются в аренду. Кадры арендаторов поставляло разоренное и обезземеленное крестьянство, вынужденное принимать все условия, какие диктовал землевладелец.

Рядом с колонатами, вышедшими из среды обнищавших свободных крестьян, работали посаженные на землю хозяином рабы. Получив некоторую свободу (ее степень и срок зависели от воли и прихоти рабовладельца), получив инвентарь, семена и т. д. в качестве пекулия, раб фактически превращался как бы в колону (*quasi colonus*). Он, конечно, довольствовался обычно самым низким жизненным уровнем, на который вынужден был равняться и свободный колон.

Рабы, попавшие в положение «как бы колон», оставались попрежнему рабами, и их социальное положение не менялось. В основном же колонат означал превращение свободного земледельца в зависимого, полукрепостного, фактически лишённого гражданских прав. Колонат облегчил правительству империи, постоянно боровшемуся с угрожавшим финансовым крахом, превращение крестьянства в податное сословие.

Резкое падение экономического уровня свободного мелкого земледельца сопровождалось падением товарности сельского хозяйства, прекращением технического прогресса даже в тех ограниченных пределах, в каких он совершался в рабовладельческом обществе.

Проблема римского колоната имеет большое значение для понимания процесса разложения рабовладельческого общества. Эта проблема привлекала усиленное внимание социологов, историков и, особенно, юристов. Но социально-экономическая сущность колоната, как она очерчена Ф. Энгельсом в «Происхождении семьи», еще только требует исследования.

С колонатом тесно связана проблема патроната в поздней Римской империи: крестьяне отдавали себя под покровительство могущественных крупных землевладельцев, против которых правительственные чиновники были бессильны. Уже в III в. Клавдий II установил уголовную ответственность для лиц, отдающих себя под покровительство (*patrocinium*) магнатов. Но такого рода правительственные меры не давали существенных результатов. Нужда заставляла обходить императорские указы или прямо нарушать их, а при общем разложении и все усиливавшейся тенденции к децентрализации правительство не имело реальной силы для борьбы с системой патроната. Мало того, пытаясь, с одной стороны, бороться с патронатом, оно, с другой стороны, использовало его для облегчения задачи сбора податей, к чему, в конце концов, сводились задачи внутреннего управления. В результате в недрах империи складывались обширные поместья с зависимыми от них мелкими хозяйствами — прообраз

будущего феодального поместья. Здесь опять возродилось натуральное хозяйство при очень низком уровне сельскохозяйственной техники.

Закрепощение коснулось не только колонов. Поскольку все население уравнивалось в бесправии и превращалось в объект обложения налогами и повинностями, императорская власть распространяла принцип прикрепления и на провинциальную муниципальную администрацию, и на коллегии ремесленников и предпринимателей, и на все вообще сословия. Закрепощение сословий изучается обычно только в связи с податной политикой империи, с бюрократизацией ее административного аппарата. Социально-экономические корни этого нового института, немислимого в античном обществе классического типа, не исследованы. В советской историографии этот вопрос еще не ставился. Между тем и здесь мы находим богатый материал для вскрытия тех разнообразных процессов, в которых выражался «крах античных мировых порядков» (Маркс).

Блестящие страницы труда Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», посвященные анализу состояния Римской империи к концу ее существования, как и столь же глубокий анализ империи в ранний ее период в работе «Бруно Бауэр и раннее христианство», показывают отчетливо основную тенденцию развития Римской империи. «Вот к чему привело римское государство с его мировым господством: свое право на существование оно основывало на поддержании порядка внутри и на защите от варваров извне, но его порядок был хуже злейшего беспорядка, а варваров, от которых оно бралось защищать граждан, последние ожидали, как спасителей». «Всеобщее обеднение, сокращение торговых сношений, упадок ремесла, искусства, уменьшение населения, упадок городов, возврат земледелия к более низкому уровню — таков был конечный результат римского мирового господства»¹.

Этот конечный результат не был случайным. Он вытекает из самого существа империи как *последней* стадии рабовладельческого общества, стадии разложения социально-экономической рабовладельческой формации. Кризис, к которому неминуемо пришло общество после периода подъема, вызванного созданием мирового государства, не мог больше разрешиться в рамках рабовладельческого строя, и крах был неизбежен. Рим сыграл свою историческую роль в прогрессивном развитии человечества. Он создал предпосылки для новой социально-экономической формации и стал тормозом для движения вперед, он поэтому должен был быть сметен революцией. А революционные силы создавались в самой империи в результате нарастания и углубления внутренних противоречий.

Мрачная картина последних веков империи так же, как и, наоборот, достижения первых веков — распространение греко-римской культуры, строительство дорог, рост городов, расширение международных связей, улучшение и безопасность путей сообщения на суше и на море, — не должны закрывать перед нами основной линии развития. С точки зрения *мировой истории падение* Римской империи означает переход к более *прогрессивной* форме производственных отношений, а *возникновение* империи — начало *конца* рабовладельческого строя. Историку поэтому нечего сокрушаться по поводу разложения и упадка в III—V вв. или восторгаться «римским миром» и его результатами в I—II вв. Дело не в моральной или эстетической *оценке*, а в анализе исторической закономерности, приведшей к падению Рима, в определении места империи в истории европейского человечества.

В вышедшей недавно популярной книге R. W. Moore автор сетует, что

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 125.

под влиянием Гиббона до сих пор продолжают в Римской империи видеть лишь падение нравов, упадок культуры, восточный деспотизм; между тем, «люди жили, гордые своей принадлежностью к Римской империи, своими привилегиями, трудились для ее цивилизации, создавали законы, общество, дороги, города, администрацию, мир»¹. Если автор имеет в виду трудящихся, то он прав в том отношении, что непосредственные производители при всех условиях были созидательной силой и в процессе разложения рабовладельческого общества они были страдающей стороной. Но дело ведь не в том, чтобы вынести обвинительный или оправдательный приговор, а в объективном исследовании материальных условий жизни, производственных отношений, совокупность которых представляет общество. Только с этой точки зрения можно понять и объяснить крушение империи.

При марксистско-ленинском понимании исторического процесса падение Римской империи перестает быть неразрешимой проблемой. Скорее требует объяснения то обстоятельство, что империя просуществовала—формально во всяком случае—пятьсот лет. Тому было несколько причин.

Во-первых, как мы видели, образование единого государства, охватившего весь средиземноморский мир, оживило пришедший снова в упадок эллинистический мир, позволило более рационально использовать резервы, таившиеся в провинциях, расширило экономическую базу общества. Во-вторых, имело значение то обстоятельство, что на обширной территории от Двуречья в Азии до Гибралтара и от Нубии до Британии Римская империя была единственным государством, не имевшим серьезных соперников. Образование Новоперсидского царства Сассанидов на Востоке и передвижения варварских племен нарушили устойчивость империи, и здание, воздвигавшееся веками, рухнуло.

Необходимо также иметь в виду медленность темпов развития общества в древности, особенно при слабости и распыленности тех общественных сил, которые могли бы выступить как организаторы нового способа производства, как носители прогрессивных идей.

Одной из основных причин, по которым империя могла продержаться долгое время, было, по словам Энгельса², отсутствие современного пролетариата—организованного класса, способного не только вести организованную классовую борьбу, но и взять власть в свои руки и совершить революционное переустройство общества. Рабы и колоны вели борьбу против рабовладельческого строя общества стихийно, их силы распылялись, не было у них ни единой программы, ни единого политического и идейного руководства. Поэтому революция рабов и колонов тянулась столетия и ее силы были скованы. Понадобилось вторжение варваров, чтобы революция завершилась ликвидацией рабовладельческого строя общества. Но и после этого потребовались столетия для утверждения новой, более прогрессивной социально-экономической формации—феодальной. При таких условиях понятно, что болезненный процесс разложения империи затянулся и принес трудящимся неисчислимые страдания.

Изучение революции рабов, свергнувшей рабовладельческий строй общества, — трудная, сложная задача. Она связана с рядом частных, не менее трудных проблем.

Необходимо выяснить, как эта революция связывалась, с одной стороны, с движениями колонов, а с другой стороны, — с движениями городской бедноты. Имеющийся материал—главным образом литературный—рассеян в произведениях преимущественно ораторов, софистов и цер-

¹ R. W. Moore, *The Roman Commonwealth*, Bristol, 1943, стр. 252 сл.

² Письмо к Марксу. Маркс и Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 303.

ковных писателей, отчасти в юридических памятниках. Его надо подобрать, исследовать, осмыслить.

При выяснении соотношения сил в процессе затянувшейся революции необходимо учитывать и роль все более разоряющихся средних групп городского и сельского населения, у которых оппозиция к существующему строю принимала обычно характер реакционный; но иногда, особенно в идеологической сфере, эти слои примыкали к революционному движению масс.

Не выясненной еще проблемой остаются форма и характер связи революции рабов и колонов с варварами-завоевателями, о чем имеются надежные свидетельства в источниках.

Само революционное движение, стихийное и неорганизованное, принимало различные формы — от разрозненных выступлений, характеризующихся в источниках как «разбой», до таких грандиозных массовых движений, как движение багаудов, и от стихийного бунтарства до получившего идеологическое оформление движения циркумцеллионов. Проследить во всех этих многообразных движениях общую линию, не упуская при этом из виду своеобразие каждого течения и каждого выступления, трудная, но благодарная и важная задача.

В истории Римской империи, в одном лишь из разделов истории античности, остается, таким образом, ряд кардинальных проблем, имеющих большое теоретическое значение для познания закономерностей исторического процесса в такой важный момент его, как смена общественно-экономической формации. Проблемы эти сложны, особенно вследствие скудости и недостаточной выразительности сохранившихся источников. Здесь поэтому особенно важно правильное применение марксистско-ленинской методологии.

Над всеми проблемами истории Римской империи наши историки работают, по ним написаны и пишутся диссертации, статьи и монографии; они так или иначе освещаются в общих и специальных университетских курсах и в учебной литературе. Но все это пока только предварительные научные разведки или подготовительные исследования. Для того, чтобы намеченные важные проблемы разрешить, требуются объединенные усилия специалистов, направленные к одной цели, подчиненные общему плану, требуется и товарищеское обсуждение ряда теоретических вопросов.

Полноценное решение этих, как и других узловых вопросов древней истории возможно лишь в результате преодоления недостатков и слабостей в работе историков, в условиях принципиальной повседневной критики и самокритики. Наши исторические исследования, их принципиальность и теоретическая оснащенность должны быть подняты на высокий уровень, в соответствии с идейным богатством передовой культуры СССР, в соответствии с новыми высокими требованиями, предъявляемыми к нашей науке. В докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград» тов. Жданов указал, что «все наши идеологические работники поставлены сейчас на передовую линию огня, ибо в условиях мирного развития не снимаются, а, наоборот, вырастают задачи идеологического фронта». В сознании лежащей на них ответственности перед родиной советские историки приложат все силы, чтобы сделать нашу историческую науку достойной великого советского народа.

